

Фюстель де Куланж Нума Дени

**Гражданская община древнего
мира**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Д25

Д25 **де Куланж Нума Дени Ф.**
Гражданская община древнего мира / Фюстель де Куланж Нума Дени – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 463 с.

ISBN 978-5-521-28814-4

ISBN 978-5-521-28814-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

эта измѣняющаяся часть есть наше умственное развитіе. Оно всегда въ движеніи, почти всегда прогрессируетъ, и въ силу этого наши учрежденія и законы тоже подвержены измѣненіямъ. У человѣка въ настоящее время не тѣ идеи, которыя были двадцать пять вѣковъ тому назадъ, а потому онъ и не можетъ управляться такъ, какъ управлялся прежде.

Исторія Греціи и Рима является свидѣтельствомъ: и примѣромъ той тѣсной связи, которая всегда существуетъ между понятіями человѣческаго разума и социальнымъ строемъ общества. Посмотримъ на учрежденія древнихъ народовъ, оставляя совершенно въ сторонѣ ихъ вѣрованія, и эти учрежденія покажутся вамъ странными, непонятными, необъяснимыми. Къ чему эти патриціи и плебеи, патроны и кліенты, эвпатриды и веты, и откуда произошли неизгладимыя родовыя отличія, которыя мы видимъ между названными классами? Какой смыслъ въ учрежденіяхъ лакедемонянъ, которыя представляются намъ столь противоестественными? Какъ объяснить несправедливыя странности древняго частнаго права: въ Коринѣ и Фивахъ—запрещеніе продавать землю; въ Афинахъ и Римѣ—неравенство въ наслѣдованіи между братомъ и сестрой? Что именно разумѣли юристы подъ именемъ *агнаціи* и *рода*? Въ силу чего произошли всѣ эти перевороты въ правѣ и перевороты въ политикѣ? Что такое представлялъ собою тотъ совершенно особенный патріотизмъ, поглощавшій иногда всѣ естественныя чувства? Что понимали подъ именемъ свободы, о которой безпрестанно говорилось? Какъ случилось, что учрежденія, стоящія такъ далеко отъ нашего современнаго міропониманія, могли возникнуть и господствовать такъ долго? Какой высшій принципъ далъ имъ власть надъ человѣческими умами?

Но поставьте только рядомъ съ этими учрежденіями и законами—вѣрованія, и факты сразу станутъ ясными, объясненія явятся сами собой. Если, восходя къ первымъ

вѣкамъ существованія даннаго племени, т. е. къ тому времени, когда сложились его учрежденія, замѣтить, какія идеи сложились у него о человѣкѣ, о жизни, смерти, будущей жизни, о божественномъ началѣ, то сейчас же видна будетъ тѣсная связь между упомянутыми выше идеями и древними нормами частнаго права, между ритуаломъ, вытекающимъ изъ его вѣрованій, и политическими учрежденіями.

Сравненіе вѣрованій и законовъ показываетъ, что первобытная религія установила греческую и римскую семью, учредила бракъ и власть отца, обозначила степени родства и освятила право собственности и наслѣдованія. Та же самая религія, расширивъ и распространивъ семейную группу, установила болѣе крупную ассоціацію—общину, гдѣ и продолжала властвовать такъ же, какъ и въ семьѣ. Изъ нея вытекаютъ всѣ учрежденія точно такъ же, какъ и все частное право древнихъ. Отъ нея гражданская община получила свое руководящее начало, свои нормы, свои обычаи, свое управленіе. Но съ теченіемъ времени эти старинныя вѣрованія измѣнились или исчезли: а вмѣстѣ съ ними измѣнились и частное право и политическія учрежденія. Наступилъ рядъ переворотовъ, и соціальныя преобразованія всегда правильно слѣдовали за измѣненіями въ области умственнаго развитія.

Итакъ, прежде всего нужно изучать вѣрованія данныхъ народовъ. Особенно важно для насъ узнать наиболѣе древнія, такъ какъ учрежденія и вѣрованія, которыя мы находимъ въ цвѣтущія эпохи Греціи и Рима, есть лишь дальнѣйшее развитіе предшествовавшихъ вѣрованій и учрежденій, и корни ихъ нужно искать въ далекомъ прошедшемъ. Племена греческія и италійскія безконечно древнѣе Ромула и Гомера. Вѣрованія сложились, а учрежденія установились или подготовились въ эпоху болѣе древнюю, во времена незапамятныя.

Но есть ли у насъ надежда достигнуть познанія

этого отдаленнаго прошлаго? Кто скажетъ намъ, что думали люди за десять или пятнадцать вѣковъ до нашей эры? Можно ли уловить снова то, что такъ неуловимо и подвижно,—вѣрованія и взгляды? Мы знаемъ, что думали восточные арійцы тридцать пять вѣковъ тому назадъ; мы знаемъ это изъ гимновъ Ведъ, которые, безъ сомнѣнія, очень древни, изъ законовъ Ману, которые менѣе древни, но гдѣ попадаютъ мѣста, принадлежащія весьма отдаленной эпохѣ. Но гдѣ же гимны древнихъ эллиновъ? У нихъ были, какъ и у италійцевъ, древнія пѣсни, древнія священныя книги, но ничто изъ всего этого не дошло до насъ. Какое воспоминаніе можетъ сохраниться у насъ о поколѣніяхъ, не оставившихъ намъ никакихъ письменныхъ памятниковъ? По счастью, прошедшее никогда не умираетъ совершенно для человѣка. Человѣкъ можетъ его забыть, но онъ хранитъ его всегда въ самомъ себѣ, потому что таковымъ, каковъ онъ есть во всякую данную эпоху, онъ является продуктомъ и итогомъ всѣхъ предшествовавшихъ эпохъ. Если человѣкъ заглянетъ въ свою душу, то онъ можетъ найти тамъ и распознать эти различныя эпохи по тѣмъ отпечаткамъ, какіе каждая изъ нихъ оставила въ немъ.

Посмотримъ на грека временъ Перикла, на римлянина временъ Цицерона; они носятъ въ себѣ несомнѣнные отпечатки и ясныя слѣды наиболѣе отдаленныхъ вѣковъ. У современника Цицерона (я говорю главнымъ образомъ о человѣкѣ изъ народа) воображеніе наполнено легендами; эти легенды дошли до него изъ глубокой древности и въ нихъ ясно виденъ характеръ всего строя мышленія тѣхъ временъ. Современникъ Цицерона говоритъ языкомъ, корни словъ котораго безконечно древни; этотъ языкъ, выражая мысли древнѣйшихъ вѣковъ, сложился сообразно духу того времени и сохранилъ этотъ отпечатокъ, который онъ и передаетъ изъ вѣка въ вѣкъ. Внутренній смыслъ какого-нибудь корня можетъ иногда вскрыть древнее воззрѣніе или древній

обычай. Идеи видоизмѣнились, и воспоминанія о нихъ исчезли, но остались слова—подлинныя и непреложныя свидѣтели исчезнувшихъ вѣрованій. Современникъ Цицерона совершаетъ извѣстные обряды при жертвоприношеніяхъ, при погребеніяхъ, при брачныхъ церемоніяхъ; эти обряды много древнѣе его самого, и доказательствомъ этому служить то, что они болѣе не соотвѣтствуютъ его вѣрованіямъ. Но посмотрите ближе на исполняемые имъ обряды, на извѣстныя, точно опредѣленныя слова, которыя онъ при этомъ произноситъ, и вы найдете въ нихъ отпечатокъ того, во что вѣровали люди пятнадцать или двадцать вѣковъ ранѣе.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Древнія вѣрованія.

Глава I.

Вѣрованія, касающіяся души и смерти.

До послѣднихъ временъ Греціи и Рима мы находимъ въ средѣ простого народа рядъ мыслей и обычаевъ, происхожденіе которыхъ принадлежитъ несомнѣнно очень отдаленной эпохѣ, и по нимъ мы можемъ судить, какія понятія составилъ себѣ прежде всего человѣкъ о своей собственной природѣ, своей душѣ, о тайнѣ смерти.

Какъ бы далеко ни восходили мы къ началу исторіи индо-европейской расы, вѣтвями которой являются греческіе и италійскіе народы, нигдѣ не встрѣтимъ мы указаній на то, что среди этой расы существовала мысль, будто съ прекращеніемъ краткой земной жизни для человѣка все кончается. Самыя древнія поколѣнія, задолго еще до появленія флосософовъ, думали уже, что вслѣдъ за прекращеніемъ этой земной жизни наступаетъ иная, новая. Они смотрѣли на смерть не какъ на уничтоженіе бытія, а какъ на простое видоизмѣненіе жизни.

Но въ какихъ же мѣстахъ и какъ должна протекать эта вторая жизнь? Думали ли, что бессмертный духъ, однажды покинувъ тѣло, долженъ войти въ другое, чтобы его оживить? Нѣтъ, вѣра въ переселеніе душъ никогда не могла пустить корней въ умахъ народовъ греко-италійскихъ. И у

восточныхъ аріійцевъ она тоже не является древнѣйшимъ вѣрованіемъ, такъ какъ гимны Ведъ противорѣчаютъ ему. Полагали ли, что духъ восходитъ къ небесамъ, въ свѣтозарныя области? Тоже нѣтъ; мысль о томъ, что души входятъ въ небесное жилище, принадлежитъ сравнительно позднѣйшей эпохѣ на западѣ; небесное мѣстопробываніе считалось какъ награда для нѣкоторыхъ только великихъ людей и благодѣтелей человѣчества. Согласно самымъ древнѣйшимъ вѣрованіямъ грековъ и италійцевъ душа не уходила въ иной міръ во время своей второй жизни; она оставалась тутъ же вблизи людей и продолжала жить подъ землей.

Довольно долго господствовало даже вѣрованіе, что во время вторичнаго существованія душа остается соединенной съ тѣломъ. Рожденная вмѣстѣ съ нимъ, она не разставалась съ тѣломъ и по смерти и вмѣстѣ съ нимъ покоилась въ могилѣ.

Какъ бы ни были древни эти вѣрованія, у насъ есть достовѣрные свидѣтельства о нихъ. Свидѣтельствами этими являются погребальныя обряды, надолго пережившіе первобытныя вѣрованія; но несомнѣнно, что упомянутые обряды родились вмѣстѣ съ вѣрованіями и могутъ объяснить намъ ихъ значеніе.

Погребальныя обряды ясно указываютъ на то, что, опуская тѣло въ могилу, думали, что вмѣстѣ съ этимъ хоронятъ и нѣчто живое. Вергилій, описывающій всегда такъ точно и тщательно религіозныя церемоніи, заканчиваетъ свой рассказъ о похоронахъ Полидора слѣдующими словами: „Мы заключаемъ душу въ могилу“. То же выраженіе встрѣчается у Овидія и Плинія Младшаго; это не значитъ, чтобы оно соотвѣтствовало тому представленію, которое было у названныхъ писателей о душѣ, но, обращаясь съ незапамятныхъ временъ въ языкъ, выраженіе это свидѣтельствуетъ о древнихъ народныхъ вѣрованіяхъ.

Существовалъ обычай по окончаніи погребальной церемоніи трижды призывать душу умершаго, называя ее тѣмъ именемъ, какое онъ носилъ. Ей выражали пожеланія счаст-

ливой жизни подъ землей. Ей трижды говорили: „Будь счастлива“; и прибавляли; „Пусть земля тебѣ будетъ легка“.

До такой степени вѣрили, что человѣкъ будетъ продолжать жить подъ землей и что онъ сохранить и въ могилѣ чувство удовольствія и страданія! На гробницѣ писали, что здѣсь покоится человѣкъ,—выраженіе, которое пережило вѣрованія и, передаваясь изъ вѣка въ вѣкъ, дошло до насъ. Мы употребляемъ его еще и теперь, хотя никто нынѣ не думаетъ, будто безсмертное существо можетъ покоиться въ могилѣ. Въ древности же твердо вѣрили, что человѣкъ живетъ тамъ, а потому никогда не забывали зарыть вмѣстѣ съ нимъ тѣ вещи, въ которыхъ, какъ предполагалось, онъ могъ нуждаться: одежду, сосуды, оружіе. На могилу возливали вино, чтобы утолить его жажду, ставили пищу, чтобы утолить его голодъ. Убивали лошадей и рабовъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы эти существа, погребенныя вмѣстѣ съ умершимъ, служили ему въ могилѣ, какъ служили при жизни. Послѣ взятія Трои греки собираются въ обратный путь на родину; каждый изъ нихъ уводитъ съ собою прекрасную плѣнницу: Ахиллъ, лежащій подъ землей, требуетъ тоже свою плѣнницу, и ему отдають Поликсену.

Одинъ стихъ Пиндара сохранилъ намъ любопытный остатокъ идей древнихъ поколѣній. Фриксъ долженъ былъ покинуть Грецію и бѣжалъ въ Колхиду. Въ этой странѣ онъ умеръ, но и мертвый все стремился вернуться въ Грецію. И вотъ онъ явился во свѣ Пеліасу, приказывая ему отправиться въ Колхиду и взять оттуда его, Фрикса, душу. Душа его, безъ сомнѣнія, тосковала по родной землѣ, семейной гробницѣ; но, прикованная къ тѣлеснымъ останкамъ, она не могла покинуть безъ нихъ Колхиду. Изъ этого первобытнаго вѣрованія возникла необходимость погребенія. Для того, чтобы душа была водворена въ подземномъ жилищѣ, приличествующемъ ей для посмертной жизни, необходимо было, чтобы и тѣло, съ которымъ она продолжала быть тѣсно связана, было покрыто землей. Душа, лишенная могилы, не имѣла своего жилища. Она была скиталицей. Напрасно жажда-

ла она покоя, къ которому должна была стремиться послѣ трудовъ и волненій этой жизни; она осуждена была вѣчно бродить, скитаться въ видѣ призрака, ларвы, никогда не останавливаясь, никогда не получая ни приношеній, ни пищи, которыя были ей необходимы. Несчастливая, она становилась вскорѣ зловѣрной. Она мучила живыхъ, насылала на нихъ болѣзни, опустошала ихъ жатвы, пугала мрачными видѣніями, чтобы внушить имъ дать погребеніе ея тѣлу и ей самой. Отсюда возникло вѣрованіе въ привидѣнія, въ явленія мертвецовъ. Весь древній міръ былъ убѣжденъ, что безъ погребенія душа несчастна, страдаетъ, и что обрядъ погребенія дѣлаетъ ее на вѣки счастливой. Не ради того, чтобы выставить на видъ свою печаль, совершались погребальныя церемоніи,—они совершались ради успокоенія и счастья усопшаго.

Обратимъ вниманіе, что одного преданія тѣла землѣ было недостаточно. Нужно было соблюсти традиціонныя обряды и произнести установленныя формулы, молитвы. У Плавта мы находимъ исторію одного выхода изъ могилы; то была душа, принужденная скитаться, потому что ея тѣло было предано землѣ безъ соблюденія предписанныхъ обрядовъ. Светоній рассказываетъ, что тѣло Калигулы было предано землѣ безъ совершенія погребальнаго ритуала, оттого душа его стала скитаться по свѣту, являясь живымъ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, не рѣшились вырыть изъ земли его тѣло и предать его снова погребенію, согласно установленнымъ обрядамъ. Эти два примѣра показываютъ ясно, какое дѣйствіе приписывалось обрядамъ и установленнымъ формуламъ погребальныхъ церемоній. Такъ какъ безъ нихъ души, не знавъ покоя, скитались по землѣ и являлись живымъ, то, значить, благодаря имъ души эти водворялись и погребались въ могилахъ. И подобно тому, какъ у древнихъ были формулы-молитвы, имѣющія эту силу, у нихъ были другія, имѣющія силу противоположную, а именно—вызывать души умершихъ, заставлять ихъ выходить на минуту изъ могилы.

У древнихъ писателей можно видѣть, насколько мучилъ человѣка страхъ, что послѣ его смерти по отношенію къ не-

му не будетъ соблюденъ весь подобающій ритуаль. Это являлось источникомъ мучительнаго безпокойства. Менѣе боялись смерти, чѣмъ лишенія погребальныхъ обрядовъ. Такъ какъ тутъ шло дѣло о вѣчномъ успокоеніи и вѣчномъ счастіи, мы не должны слишкомъ удивляться аэиньянамъ, казнившимъ своихъ полководцевъ послѣ одержанной ими на морѣ побѣды, за то, что они пренебрегли погребеніемъ умершихъ. Эти полководцы, ученики философовъ, быть можетъ, уже различали душу отъ тѣла, а такъ какъ они не думали, что участь одной зависитъ отъ участи другого, то имъ не представлялся особенно важнымъ вопросъ, гдѣ трупъ подвергнется своему разложенію, въ землѣ или въ водѣ. Они не захотѣли подвергать себя опасности, приближавшейся бури, изъ-за пустой обрядности: подобрать и похоронить въ землѣ умершихъ. Но толпа, которая даже въ Аэинахъ продолжала твердо держаться старинныхъ вѣрованій, обвинила полководцевъ въ нечестіи и осудила ихъ на смерть. Они спасли Аэины своей побѣдой, но своей небрежностью они погубили тысячи душъ. И родственники убитыхъ, думая о тѣхъ долгихъ мукахъ, которыя придется терпѣть этимъ душамъ, явились въ траурныхъ одеждахъ въ судилище, требуя мщенія.

Въ древнихъ государствахъ законъ поражалъ великихъ преступниковъ наиболѣе ужаснымъ наказаніемъ — лишеніемъ погребенія. Такимъ образомъ наказывалась сама душа и обрекалась почти на вѣчную муку.

Нужно замѣтить, что у древнихъ образовалось еще другое представленіе о мѣстопребываніи умершихъ. Они воображали себѣ область, тоже подземную, но несравненно болѣе обширную, чѣмъ могила; въ этой области жили вмѣстѣ всѣ души вдали отъ ихъ тѣлъ, и здѣсь между душами распредѣлялись наказанія и награды, сообразно тому, какую жизнь велъ человѣкъ на землѣ. Но тѣ погребальные обряды, о которыхъ мы только-что говорили, находятся въ очевидномъ разногласіи съ подобными вѣрованіями: несомнѣнное доказательство, что въ тѣ времена, когда сложились эти обряды, не существовало еще вѣры ни въ Тартаръ, ни въ Елисейскія поля.

Первобытныя представленія этихъ древнихъ поколѣній были таковы, что человѣческое существо продолжаетъ жить и въ могилѣ, что душа не отдѣляется отъ тѣла и по смерти остается прочно прикрѣпленной къ той части земли, гдѣ погребены останки. Человѣкъ не долженъ былъ отдавать никакого отчета въ своей предыдущей жизни. Разъ опущенный въ могилу, онъ не долженъ былъ ожидать болѣе ни награды, ни наказаній. Представленія, несомѣнно, грубыя, но таковыя были младенческій періодъ понятія о загробной жизни.

Существо, жившее подъ землей, не было достаточно отрѣшено отъ человѣческой природы, чтобы не нуждаться въ пищѣ. А потому въ опредѣленные дни въ году на всякую могилу приносили съѣстное.

Овидій и Вергилій дали намъ описаніе этой церемоніи, которая сохранилась неизмѣнно до ихъ дней, хотя вѣрованія уже видоизмѣнились. Они рассказываютъ, что могила украшалась большими гирляндами изъ травъ и цвѣтовъ, на нее ставились кушанья, фрукты, соль, возливалось молоко, вино, иногда кровь жертвы.

Было бы весьма ошибочнымъ полагать, что подобныя могильныя пиршества совершались лишь какъ бы въ память усопшихъ. Пища, которую приносила семья, предназначалась дѣйствительно для умершаго и исключительно для него. Доказательствомъ этого служить тотъ фактъ, что молоко и вино выливались на землю могилы, а чтобы твердая пища могла дойти до мертвого, въ землѣ выкапывалось отверстіе; въ случаѣ же, если приносилась жертва, то она сжигалась вся цѣликомъ, чтобы никто изъ живыхъ не могъ ее отвѣдать; затѣмъ произносились опредѣленные священныя слова, приглашавшія мертвого ѣсть и пить. Далѣе, если вся семья и присутствовала при этомъ пиршествѣ, то къ кушаньямъ никто не притрогивался; наконецъ, уходя, старались всегда оставить немного молока и хлѣба въ сосудахъ, и считалось великимъ нечестіемъ, если кто-нибудь изъ живыхъ притронется къ этому запасу, предназначенному удовлетворять нужды умершаго.